

Д. А. Андреев

Феноменология русского самодержавия на рубеже XIX–XX веков в оптике «политической повседневности»

Исследование К. А. Соловьева «Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества»¹ тематически гораздо шире тех смыслов, которые прочитываются в его названии. Фактически выход этой монографии можно считать началом нового этапа изучения истории самодержавной власти в России и, соответственно, отказа от историографической фокусировки, основанной на дихотомии «реформы — контрреформы» и представленной, в частности, в коллективной монографии «Власть и реформы: от самодержавной к Советской России»², на протяжении более 20 лет считавшейся основополагающей работой по истории императорского периода. Изъяны такого объяснения политической истории очевидны, реконструируемая им картина практически так же далека от реальной многогранной действительности, как и схематичные марксистские трактовки прошлого.

В этом смысле подход, предлагаемый К. А. Соловьевым (правда, применительно к гораздо меньшему временному отрезку, нежели в названной выше коллективной монографии), — это безусловный и исключительно своевременный шаг вперед. Историк призывает к созданию «новой политической истории», изучающей «политическое» само по себе, т. е. не процесс, а «структурные

**Андреев Дмитрий
Александрович**
канд. ист. наук,
доц., Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

особенности» власти, «алгоритмы политического поведения», иными словами — «политическую повседневность».

Рассматриваемый феномен включает в себя «устойчивые структуры» в их «статических состояниях», институты, воспринимаемые в качестве своеобразных законодателей «правил игры», процедурно-практические составляющие принятия и реализации властных решений. «Политическую повседневность» не интересует постановочно-сценарная «политическая театрализация»: она предпочитает работать с «серыми буднями», выходя за пределы их ценностно-идеологического наполнения и анализируя сугубо технологические компоненты функционирования рутинных механизмов. Только при таких методологических установках, по мнению К. А. Соловьева, можно адекватно постичь «проблему функционирования политической системы»³.

Нет сомнения в том, что в системе координат «политической повседневности» получится в совершенно новом свете увидеть многие важнейшие стороны бытования власти, особенно те, которые относятся к существованию ее обеспечивающего контура, трансляторов самодержавной воли как начала, находившегося в Российской империи в основе любого феномена «политического», т. е. управленцев разных уровней, которые переформатировали часто невербальные интенции монархов во вполне конкретные и реализуемые в той или иной мере практические действия.

Большая часть монографии К. А. Соловьева посвящена рассмотрению сквозь призму «политической повседневности» как раз такого — тактильно осязаемого — здания политической системы самодержавной России на рубеже XIX–XX вв. Автор подробно разбирает институты и их практики при Александре III и в первую половину царствования Николая II, и то, как он это делает, нуждается в отдельном детальном анализе — главным образом в режиме уточнений предлагаемой им концепции.

Однако прежде остановимся на гораздо более спорном вопросе — о применимости «политической повседневности» к изучению верховной власти и ее подлинной роли в эпоху позднего самодержавия. К. А. Соловьев, признавая всю особость и нетипичность власти русского государя для монархий позднего модерна, тем не менее считает допустимым рассматривать ее в контексте «политической повседневности» — как своеобразную «надстройку» (если прибегать к формационной аналогии) политической системы, полностью подчинявшуюся тем же закономерностям и той же логике исторического развития, что и ее бюрократический «базис». Но так ли это было на самом деле?

Автор почему-то проигнорировал исследование А. Н. Боханова «Самодержавие. Идея царской власти», в котором указывается на методологическую ограниченность сугубо позитивистского подхода к изучению самодержавия и говорится о необходимости самым внимательным образом учитывать «смысловую сторону власти», «ту исходную и универсальную идею», которая предопределяла особенности монархии в России на протяжении всего ее существования⁴. В то же время методологический посыл К. А. Соловьева — изучать «политическое» в рамках «политической повседневности» — не выходит за пределы именно позитивистских мировоззренческих установок, а точнее,

порожденных ими современных практик гуманитарного познания. В данном случае «позитивистское» не следует понимать упрощенно — как познаваемое легко верифицируемыми эмпирическими приемами. Такого у К. А. Соловьева нет. Более того, признавая значимость сосредоточения на «символическом поле» и «мифологии власти» при изучении технологий господства вплоть до Нового времени включительно, автор предлагает рассматривать с этих же позиций, помимо собственно пространства бытования монархического начала, еще и его инфраструктурную оболочку. Иными словами, он предлагает исследовать рутинные практики «политической повседневности» в том же ритуально-церемониальном ключе, что и презентации власти, и через это постигать «мифологию правящего режима», в данном случае самодержавного⁵. Однако при всей кажущейся близости между смыслом власти в понимании А. Н. Боханова и ее мифологией (как тем же смыслом, только закодированным по преимуществу в знаково-символических формах) в интерпретации К. А. Соловьева их разделяет непреодолимая пропасть, потому что в первом случае речь идет об онтологии, а во втором — о технологии.

Что такое царская власть с точки зрения онтологии, филигранно показывает В. В. Розанов в 1914 г. в «Мимолетном». Это субъект, вершащий «бытие в государстве» своей буквально теургической формулой: «Быть по сему». Через эту формулу выражается «тайна царева»: гарантия от ошибочного решения, которое вместе с тем может оказаться неудачным и трагичным, не будучи при этом неверным. Власть царя «всегда за лучшее», но никогда — «за низкое, мелочное, неблагородное», и в этом ее «суть и ноумен», в этом — «чудо истории». «Суть царя» — в «великом царственном духе», в «благородстве в безгрешности», в том, что царь «просто делает “хорошую погоду”», «эту чудную и божественную вещь, столь всем нужную», что он «символизирует весь русский народ». «Мужу нужна “хорошая погода”, и царь изводит из себя “хорошую погоду”: тем, что не торопится и не нагоняет облачков». Поэтому до тех пор, пока царь остается «благородной и великодушной личностью в центре всего», его подданные благоденствуют, причем «без всяких особенных дел и событий»⁶.

Понятно, что крайне субъективный публицистический текст противоречивого (К. А. Соловьев приводит другие высказывания В. В. Розанова, которые характеризуют русских государей прямо противоположным образом), хотя при этом и яркого, мыслителя не может восприниматься как аргумент при обсуждении вполне академичного вопроса о природе самодержавия. Однако такой, в терминах Э. Канторовича, «криптотеологический язык»⁷ как нельзя лучше описывает самоощущение собственной власти обоим последним императорам, анализу которого К. А. Соловьев уделил непозволительно мало внимания — по сути, всего две страницы своей книги⁸.

Приводимая автором аргументация может создать впечатление, что речь идет вовсе не о русском самодержавии, а о западноевропейском абсолютизме, хотя сам К. А. Соловьев неоднократно подчеркивает разницу между этими политическими системами. Так, отмечая, что на самом деле Людовик XIV вовсе не говорил «Государство — это я», историк тут же делает оговорку, что такое вполне могли произнести Александр III и Николай II. Это в корне неверно — оба

монарха напротив всячески дистанцировались от государственной машины, видя свою миссию в том, чтобы быть не ее мотором, а неким определяющим условием существования, чему как раз и препятствовало «средостение», т. е. их фундаментальная встроенность в эту машину.

Но ведь К. А. Соловьев как профессиональный исследователь не может не знать, что историческая действительность и ее восприятие современниками и особенно творцами далеко не всегда совпадают. Он сам отмечает, что нет тождественности между «текстом о власти» и «самой властью»⁹. Ссылаясь на дневник А. А. Половцова, К. А. Соловьев приводит слова, якобы сказанные Николаем II министру императорского двора барону В. Б. Фредериксу по поводу своего решения существенно ограничить дядю — великого князя Павла Александровича — в возможностях пользоваться его средствами из-за вступления в морганатический брак: «По моему мнению, император может делать то, что пожелает»¹⁰. Трудно себе представить, чтобы Николай II, буквально взвешивавший на аптекарских весах каждое слово, говорившееся им за пределами его собственной семьи, мог произнести столь двусмысленную и, главное, не соответствовавшую его взглядам фразу. Недоумение разрешается тем, что К. А. Соловьев допустил здесь ошибку: в дневнике А. А. Половцова указано, что это сказала императрица¹¹ (автор дневника не уточняет, какая именно, но из контекста следует, что не вдовствующая, а Александра Федоровна).

Император же расставил в этом деле совершенно другие акценты, которые наглядно характеризовали его отношение к своему царскому служению. В письме к матери, написанном в Ливадии в день восьмой годовщины со дня кончины отца, он заявил о недопустимости оседания в Париже «целой колонии» представителей императорской фамилии «со своими полузаконными и незаконными женами». «Больнее всего сознание, что так нехорошо поступил родной брат обожаемого Папа, — писал далее Николай II. — Неужели святой пример Его жизни, стремление всего Его царствования упорядочить все как в России, так и в семействе, — неужели все это было ни к чему?» И в завершение письма, уже по поводу ситуации в Финляндии, но, несомненно, имея в виду и династический скандал с дядей Павлом, государь отчеканивал: «Я несу страшную ответственность перед Богом и готов дать Ему отчет ежеминутно, но пока я жив, я буду поступать убежденно, как велит мне моя совесть. Я не говорю, что я прав, ибо всякий человек ошибается, но мой разум говорит мне, что я должен так вести дело»¹².

В. В. Розанов в 1914 г. не мог знать о существовании этого письма, а Николай II тем более в 1902 г. не ведал того текста, что спустя 12 лет напишет этот мыслитель. Однако нельзя не заметить, что розановские суждения буквально слово в слово соответствовали сокровенным мыслям императора, высказанным им в доверительном письме к матери. Поэтому вряд ли справедливо, отталкиваясь от непроверенного слуха в тройной передаче, что якобы Александр III во фразе «Самодержавие есть источник всякой власти в России» заменил слово «есть» на слово «было», делать вывод: «Монархи цеплялись за ускользавшее самодержавие»¹³. При Александре III видимых проявлений

кризиса самодержавия еще не было. А его сын вплоть до отречения в 1917 г. неуклонно воспринимал свою миссию именно «по-розановски».

Одним из ключевых для концепции К. А. Соловьева является утверждение, что славянофильство стало той смысловой средой, в которой вызрел «политический “метаязык”», использовавшийся впоследствии не только реформаторами, но и даже охранителями. И это несмотря на то, что славянофильство руководствовалось «идеальным образом» самодержавия, который не совпадал с «политической практикой». Поэтому «широко признанная в обществе версия самодержавия подразумевала демонтаж самодержавия как такового»¹⁴. Вместе с тем именно «политическая конструкция позднего славянофильства» главным образом и была нацелена на «оправдание самодержавия»¹⁵.

Приведенное утверждение представляется довольно спорным, особенно в плане подчеркивания славянофильского универсализма, воспринятого в том числе охранителями. В монографии, посвященной кружку «Беседа», К. А. Соловьев основательно прорабатывает смысловое наполнение предлагаемого им термина «неославянофильство». Приверженцев этого мировоззрения — какими их показывает автор — можно условно назвать «монархистами-народниками», особенно если отталкиваться от их ключевой идеи — непризнания русского самодержавия определенной «формой абсолютной монархии», вследствие чего они считали необходимым наличие «того или иного ограничителя власти императора» в виде контроля — пусть не правового, а в морально-этических категориях и представлениях о долге и доверии — со стороны общества¹⁶. Это весьма странное заключение — если русское самодержавие не является абсолютизмом, то его надлежит ограничить «снизу» — нуждается в разъяснении, особенно в монографии, посвященной политической системе 1881–1905 гг. Однако оно принципиальным образом ничего не меняет: неославянофилы в любом случае не рассматривали самодержавную власть так, как сама эта власть воспринимала себя. Неспроста «высочайшим повелением» была запрещена в России публикация впервые изданной в Риме в конце XIX в. брошюры неославянофила Д. А. Хомякова «Опыт схематического построения понятия “самодержавие”»¹⁷.

Более того, не только неославянофилов, но и их предшественников также справедливо считать лишь довольно условными монархистами. Прагматический и прикладной характер классического славянофильства, ставшего идеологическим инструментом для решения задач актуальной на момент кануна Великих реформ политической повестки, а потому вынужденного апеллировать к ценностям самодержавия, но на самом деле далекого от канонического представления об этом способе властвования, подчеркивал Н. И. Цимбаев в первом обстоятельном исследовании этого течения русской общественной мысли¹⁸. Анализируя статью о. П. А. Флоренского «Около Хомякова (критические заметки)», С. В. Чесноков убедительно показывает, что о. Павел, по сути, отказывал основателю славянофильства в подлинном монархизме из-за того, что тот выводил самодержавие из политической субъектности народа¹⁹. Можно также вспомнить прямо противоположные подобному социальному пониманию царской власти размышления того же о. Павла из «Философии культа (опыта

православной антроподицеи)». В этом труде, исходя из представления о том, что царь обладает «особым ноуменальным местом» в Церкви, автор заключает: царь «есть предмет веры, но отнюдь не внешнего мирского права», в него вместе со всей Церковью можно верить — или же не верить вслед за врагами Церкви, однако ни в коем случае «нельзя низводить его, по его сану, до плоскости народнической», а значит, «всякое ограничение извне должностей царского служения не может рассматриваться иначе, как насилие не над царем, а над Церковью же»²⁰.

В данном случае взгляды о. Павла на царскую власть — отнюдь не отвлеченные умствования, уходящие корнями в средневековую кратологию. Они выглядят особенно актуальными для времени их формулирования на закате существования императорской России, как раз тогда, когда монархизм, как показывает К. А. Соловьев, все больше становился уделом неославянофилов, а значит, удалялся от того понимания самодержавия, какого придерживался сам император. Досадно поэтому, что автор, считая неославянофилов исключительными держателями «кодов» самодержавия, фактически игнорирует их тактических единомышленников и одновременно стратегических оппонентов. Им уделяется непропорционально мало внимания в том месте работы, где говорится о понимании самодержавия самими императорами и, следовательно, где взгляды апологетов «канонического самодержавия» должны быть разобраны досконально. Вместо этого в самом общем виде пересказываются основные идеи П. А. Валуева²¹, лишь в примечаниях упоминаются К. Н. Леонтьев²² и К. П. Победоносцев²³.

Словом, мистические представления о самодержавии — а значит, и их проекции в практическую деятельность лиц, которые их придерживались, — просто не укладываются в трафареты «политической повседневности». Поэтому следует признать, что сфера применимости этой методологической новации, предложенной К. А. Соловьевым для изучения позднего самодержавия, является не универсальной, а весьма ограниченной.

¹ Соловьев К. А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018.

² Власть и реформы: от самодержавной к Советской России / отв. ред. Б. В. Ананьич. СПб., 1996.

³ Соловьев К. А. Политическая система Российской империи... С. 8–12.

⁴ Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002. С. 19.

⁵ Соловьев К. А. Политическая система Российской империи... С. 24–25.

⁶ Розанов В. В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло... М., 1997. С. 367–370.

⁷ Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015. С. 88.

⁸ Соловьев К. А. Политическая система Российской империи... С. 42–43.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Половцов А. А. Дневник. 1893–1909. СПб., 2014. С. 398.

¹² Переписка императора Николая II с матерью — императрицей Марией Федоровной. 1894–1917 / отв. ред. Л. А. Роговая. М., 2017. С. 433–435.

¹³ Соловьев К. А. Политическая система Российской империи... С. 42.

¹⁴ Там же. С. 44–45.

¹⁵ Там же. С. 27.

¹⁶ Соловьев К. А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности, 1899–1905. М., 2009. С. 80, 86.

¹⁷ Каплин А. Д. Предисловие // Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность. М., 2011. С. 17.

¹⁸ Цимбаев Н. И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М., 1986. С. 206–209.

¹⁹ Чесноков С. В. Эволюция государствоведческих взглядов Л. А. Тихомирова в свете критики «хомяковского» православия П. А. Флоренским // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 8, вып. 2. 2007. С. 207–209.

²⁰ Флоренский П. А., *свящ.* Собрание сочинений. Философия культа (опыт православной антропологии). М., 2004. С. 250.

²¹ Соловьев К. А. Политическая система Российской империи... С. 38, 40.

²² Там же. С. 36, 43–44.

²³ Там же. С. 41–44.

Статья поступила в редакцию 20 октября 2019 г.

Рекомендована в печать 5 марта 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Андреев Д. А. Феноменология русского самодержавия на рубеже XIX–XX веков в оптике «политической повседневности» // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 521–528. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.216>
УДК 94(47).083

Аннотация: В статье рассматривается одна из основных проблем изданной в 2018 г. монографии доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института российской истории РАН К. А. Соловьева, в которой анализируется политическая система, функционировавшая в Российской империи с восшествия на престол императора Александра III и до реформ 1905–1906 гг. Эта проблема сводится к авторскому утверждению о необходимости изучать существовавший в указанное время режим с точки зрения «политической повседневности», а через это — подойти к созданию «новой политической истории», которая сможет реконструировать прошлое более адекватно исторической действительности, нежели это делается в настоящее время. Такая установка исследователя подвергается критике. В статье утверждается, что, несмотря на ряд удачных примеров использования К. А. Соловьевым оптики «политической повседневности», она не является исчерпывающей и безукоризненной для понимания феноменологии позднего самодержавия, поскольку не учитывает важнейшие особенности этого режима — статус монарха, природу его власти, которые невозможно понять в контексте сугубо управленческой рутин. Для доказательства такого утверждения в статье анализируются как разобранные К. А. Соловьевым концепции политических мыслителей, так и не упомянутые им работы, после чего делается вывод, что предложенная автором «повседневность» не в состоянии верно интерпретировать событийность. Делается вывод, что указанные замечания применимы и к другим разделам книги К. А. Соловьева, в которых разбирается функционирование государственных институтов и должностных лиц империи, хотя непосредственно эта проблема в статье не затрагивается.

Ключевые слова: политическая повседневность, самодержавие, славянофильство, абсолютизм, политическая система, политическая история.

Сведения об авторе: Андреев Д. А. — канд. ист. наук, доц., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); carpenter2005@yandex.ru

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

FOR CITATION

Andreev D. A. 'The Phenomenology of the Russian Autocracy at the Turn of the Nineteenth Century Through the Optics of "Political Everyday Life"', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 2, 2020, pp. 521–528. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.216> (In Russian)

Abstract: This article discusses one of the main issues in K. A. Solovyov's 2018 monograph on the political system of the Russian Empire from Emperor Alexander III until the reforms of 1905–1906. Solovyov, a chief research fellow of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, states that the regime in this period should be studied from the point of view of "the political everyday life". This would help scholars develop a "new political history" and reconstruct the past in a way closer to historical reality than is done at present. This approach has met criticism. Despite a number of successful examples of the use of Solovyov's optics of "political everyday life," it is not sufficiently comprehensive or robust for understanding the phenomenology of the late autocracy, because it does not take into account the most important features of this regime: the status of the monarch and the nature of his power. Those phenomena cannot be understood in the context of exclusively administrative practices. To support this claim, the author analyzes both the concepts of political thinkers Solovyov studied and did not mention. The author suggests that the prism of "everyday life" cannot provide a correct interpretation of events.

Keywords: political everyday life, autocracy, Slavophilism, absolutism, political system, political history.

Author: Andreev D. A. — PhD, Associate Professor, Moscow Lomonosov State University (Moscow, Russia); carpenter2005@yandex.ru

Moscow Lomonosov State University, 1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia

References:

- Bokhanov A. N. *Autocracy. The idea of royal power* (Moscow, 2002). (In Russian)
- Chesnokov S. V. 'Evolution of state-historical views of L. A. Tikhomirov in the light of criticism of "khomyakovsky" Orthodoxy by P. A. Florensky', *Bulletin of the Russian Christian humanitarian academy*, vol. 8, iss. 2, 2007. (In Russian)
- Correspondence between Emperor Nicholas II and his mother, Empress Maria Feodorovna. 1894–1917*, ed. by L. A. Rogovaya (Moscow, 2017). (In Russian)
- Florenskiy P. A., priest. *Collected works. Philosophy of the cult (Experience of the Orthodox anthropodicy)* (Moscow, 2004). (In Russian)
- Kantorowicz E. H. *The king's two bodies. A study in medieval political theology* (Moscow, 2015). (In Russian)
- Kaplin A. D. 'Preface', *Khomyakov D. A. Orthodoxy. Autocracy. Nationality* (Moscow, 2011). (In Russian)
- Polovtsov A. A. *Diary. 1893–1909* (St. Petersburg, 2014). (In Russian)
- Power and reforms: from autocratic to Soviet Russia*, ed. by B. V. Anan'ich (St. Petersburg, 1996). (In Russian)
- RozaNov V. V. *Collected works. When the bosses left...* (Moscow, 1997). (In Russian)
- Solovyov K. A. "Beseda" society. *In search of a new political reality, 1899–1905* (Moscow, 2009). (In Russian)
- Solovyov K. A. *The political system of the Russian Empire in 1881–1905: the problem of lawmaking* (Moscow, 2018). (In Russian)
- Tsimbaev N. I. *Slavophilism (from the history of Russian socio-political thought of the 19th century)* (Moscow, 1986). (In Russian)

Received: October 20, 2019

Accepted: March 5, 2020